Кнорринг Ирина 14.08.97

КУЛЬТУРА –1997– 14 авг. –с.7

14 августа 1997

Судьбы

СЕМЬИ РОССИИ

Жизнь, неповторимая для каждого и неизменная по сути своей, идет своим чередом. Рождается человек, радуется жизни, любит, страдает и умирает, одно поколение сменяется другим. "Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои". Но в этом круговороте не всегда безмятежно спокойно и ясно, иногда теплый, нежный ветерок сменяется неистовым ураганом и бывает, что целое поколение людей обречено жить в страшное для страны и народа своего время.

Ирина Кнорринг, о которой я хочу рассказать, прожила свою короткую жизнь именно в период самых страшных потрясений, которые когда-либо выпадали на долю русского народа, и ее судьба, как и судьбы миллионов честных, талантливых людей того времени, отражает трагическую судьбу народа.

Позволю себе начать не с биографии и творчества Ирины Кнорринг, а показать тот сложный путь, который привел меня в итоге к этому удивительно тонкому и щедро одаренному человеку — через арест и расстрел моего отца, гибель всего нашего фамильного клана и до могилы Ирины Николаевны на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем.

День догорит в неубранном саду...

Владимир КНОРРИНГ

О нашем роде

Вначале очень коротко о нашем древнем роде дворян и баронов Кнорринг, первые сведения о котором относятся к 1123 году. Каких только событий не было в его истории: крестовые походы и рыцарские турниры, горькие поражения и фантастические победы в борьбе за христианские святыни, сокровища, спрятанные в кувшине (этот двуручный кувшин – центральная часть нашего фамильного герба), штурмы крепостей и смелый поход по льду в тыл врага – все это описано в фамильных хрониках и украшено удивительными легендами.

Почти 300 лет представители нашего рода верно служили Государству Российскому, в основном на военном и государственном поприще, и породнились со многими знатными русскими родами (Долгоруковы, Нарышкины, Гагарины, Шуваловы, Мещерские, Строгановы), сохранив свою шведскую фамилию.

Генерал от инфантерии Богдан Кнорринг командовал русской армией в Финляндии; его брат, генерал-лейтенант Карл Кнорринг, был командующим армией в Грузии (это под его командованием русские войска в 1801 году вошли в Тифлис); Кнорринги сражались на Бородинском поле, портреты двух наших предков украшают Галерею военной славы Зимнего дворца. Многих и многих представителей нашей фамилии можно встретить на страницах нашей истории, на полях сражений, на дипломатической и государственной службе: приятеля и учителя верховой езды М.Ю.Лермонтова (сохранился портрет этого Кнорринга, написанный М.Ю.Лермонтовым), члена комиссии, изучавшей обстоятельства дуэли и гибели А.С.Пушкина, молоденького офицера, сражавшегося на бастионах Севастополя рядом с Л.Н.Толстым... На карте России, около озера Ханко, сохранилась железнодорожная станция Кнорринг, названная в честь строителя Транссибирской магистрали...

Но нас больше интересуют события и люди, более близкие нам по времени, так как именно в этой среде развивалась и формировалась личность поэтессы Ирины Кнорринг.

Игорь Григорьевич Кнорринг

Это мой отец. Сын Григория Николаевича Кнорринга и Софьи Александровны Скачевской. Родился 30 января 1911 года в Минске.

Отцов не выбирают, и отцы бывают разные, как кому повезет. Мне повезло, мой отец хороший, умный, честный и добрый. Красивый, обаятельный и остроумный. Я так уверенно говорю это, так как помню его сам, многое мне рассказывали родные да и из других источников, иногда самых неожиданных, я слышал те же мнения.

До Отечественной войны работал инженером-строителем, и сейчас еще в Ташкенте существуют два фонтана, задуманные и созданные им.

"Дети, поднимите руки, у кого отец погиб на фронте!" И среди, увы, многих поднимал руку и я, ведь все в нашей семье уверяли меня, что отец погиб на фронте, точнее – "пропал без вести". И, главное, у меня было письмо отца от 13 сентября 1941 года: "Дорогой, милый сынок! Сегодня уезжаю на фронт...".

Лишь впоследствии я узнал, что отец не погиб на фронте, а был арестован и осужден "как враг народа". И свое последнее письмо он написал в тюрьме и сумел передать его "на волю". Поэтому и концовка письма была странной – вместо " папа" или "твой отец" стояла его официальная подпись. Это была моя охранная грамота, я мог предъявлять это письмо в любых "органах" как подтверждение того, что мой отец погиб на фронте. Это все, что мог сделать отец для своего сына. Спасибо тебе, родной...

Жив ли он? Где он? Начинать ли его розыск? Все родственники категорично возражали: "Если отец жив и не дает о себе знать, значит, он, любя тебя, не хочет портить тебе жизнь. А если его нет в живых, то тогда поиски будут бессмысленны, а жизнь ты себе сломаешь". А если он жив и где-то там, на Колыме, один, брошен всеми?

И я решил начать поиски и обратился к Генеральному прокурору. И вот чудо – прокурор, несмотря на свою грозную репутацию, оказался добрым и сердечным человеком. Он запросил сведения о моем отце, сообщил, что отец был осужден печально известной "тройкой" военного трибунала, куда мне и следует обратиться, а мое заявление при мне уничтожил.

В военной прокуратуре Туркестанского военного округа обещали запросить "дело" отца и объективно разобраться в нем. Не спрашивайте – не скажу как, но в тот день, когда дело поступило в прокуратуру, оно на пять-шесть минут попало мне в руки. Я запомнил все, что там было: изможденное, затравленное лицо отца на фотографиях в профиль и анфас, протоколы допросов, фамилию того, по гнусному доносу которого был арестован отец, приговор и маленький документ в самом конце дела – приговор приведен в исполнение. Отца расстреляли 2 марта 1942 года.

... Вскоре в прокуратуре мне официально заявили: "Была допущена судебная ошибка, и Ваш отец, несомненно, будет реабилитирован". Но через несколько месяцев пришло письмо: "Ваш отец ... проводил антисоветскую пропаганду, и оснований для отмены приговора не имеется". "Как же так, ведь вы уверяли...", – сказал я прокурору в частной беседе. – "Недавно пришла новая инструкция..." Так что же, виновность человека зависит только от инструкции, ведь я знал содержание доноса, и там не было ничего, что могло бы караться смертной казнью!

Нужно было подумать и о себе, ведь теперь я был обязан писать в анкетах, что мой отец был осужден по 58-й статье, и я таким образом попадал в черный список. Но так уж получилось, что никакого официального письма я не получал и никаких его следов в бумагах прокуратуры не имеется.

В середине 80-х годов я, махнув на все рукой, обратился в Военную коллегию Верховного суда и вскоре получил ответ: "Приговор отменен за отсутствием состава преступления, и Кнорринг Игорь Григорьевич реабилитирован посмертно".

Борис Николаевич Кнорринг

Это дядя Ирины Николаевны, брат ее отца, Николая Николаевича. Родился 6 мая 1875 года, окончил Казанский университет, ветеринарный врач.

Занимаясь реабилитацией отца, я обнаружил папку с документами еще одного "врага народа" – Бориса Николаевича Кнорринга. Его трагическая судьба и абсолютная нелепость обвинений, выдвинутых против него, были удивительны даже для времени сталинских репрессий.

В следственных материалах говорится, что Борис Николаевич один месяц служил ветврачом кавалерийского полка в армии Колчака (с 11 февраля по 15 марта 1920 года) и через месяц был мобилизован в Красную армию. Он "обвинялся в том, что сознательным бездействием в борьбе с сапом (болезнь скота. – **В.К.**), допустил распространение его в совхозах, что принесло убытки".

По статье 58, п.7 УК РСФСР арестованный был выслан в Казахстан на 3 года, где находился на поселении вместе с сосланными туда же троцкистами. Отбыв свой срок, Борис Николаевич был вскоре арестован вновь за ... связь с троцкистами. Любопытно, как Борис Николаевич мог избежать этой связи, если был сослан именно в этот "троцкистский" лагерь? На сей раз приговор был предельно суров – "10 лет без права переписки"... Он погиб в одном из карагандинских лагерей.

Занимаясь реабилитацией Б.Н.Кнорринга и поиском его родственников, выяснил, что у него была жена Екатерина Георгиевна 1895 года рождения (она была также арестована и провела в заключении 10 лет) и две дочери – Нина и Татьяна. Нине в год ареста отца исполнился 21 год.

Нина Борисовна Кнорринг

В августе 1988 года по просьбе барона Бернхарда фон Кнорринга я разбирал русский архив в их финском имении Кивимяки и нашел мемуары Нины Борисовны Кнорринг (по мужу Шмидт), жившей в Копенгагене. Всю ночь я читал рукопись, написанную чистым, образным русским языком, и утром написал ей взволнованное письмо, советуя опубликовать эту прекрасную рукопись. Так завязалась наша длительная переписка.

Вскоре книга Нины Борисовны была опубликована на датском языке с множеством интересных фотографий. В книге описывается радостное, безоблачное детство в родовой усадьбе села Елшанка Самарской губернии, где родились многие из этой ветви фамилии Кнорринг, включая и Ирину Николаевну, и в знаменитом заповеднике Аскания-Нова, основанном бароном Фальцфейном в Херсонской области, – там ее отец, Борис Николаевич, работал ветеринарным врачом.

И далее – крах этой спокойной, размеренной жизни, бегство от погрома из родового поместья, "ледяной поход" белой армии, скитальческая жизнь голодных, обессиленных беженцев, отступавших вместе с армией Колчака от Омска до Иркутска. Счастливое появление "Томми", молодого датчанина Гуннара Шмидта, который вскоре стал мужем Нины, вырвало ее из этого обреченного круга и привело в спокойную, неторопливую Данию. Но тоска по родине, по России, неосознанное до конца чувство вины мучили ее до конца дней. Об этом же писала Ирина Кнорринг:

Зачем меня девочкой глупой
От страшной, родимой земли,
От голода, тюрем и трупов
В двадцатом году увезли!

Ценность книги Нины Борисовны "Ближе к сердцу" не только в правдивости и чистоте литературного стиля, но и как свидетельства очевидца трагедии гражданской войны с других, малознакомых нам позиций, как бы изнутри "белого движения". Не могут оставить равнодушным четкий, чеканный стиль повествования и свободное, мастерское владение словом, несмотря на многие десятилетия, проведенные автором вдали от России и лишенным постоянного общения с русским языком. Не могу удержаться от желания привести хотя бы один пример:

"Мы играли в крокет, гуляли, устраивали пикники на лошадях или пешком. На одном таком "пешем" пикнике сестра вместе с красивым офицером Колей несли самовар, каждый за свою ручку, танцуя мазурку, сами напевая мотив танца. Коля падал на колено, а сестра обегала его кругом – самовар летал над Колиной головой, потом он ловко поднимался, бил ногою ногу, звеня шпорами, и опять бежали они, танцуя, дальше!

Через два-три года Коля потерял на войне ногу и никогда больше не бывал у нас. Как выяснилось позднее, он "не мог" показаться у нас без ноги..."

Вслушайтесь: сколько очарования, чистоты, грации в этом отрывке и сколько горя...

Николай Николаевич Кнорринг

Николай Николаевич – отец поэтессы Ирины Кнорринг, родился в 1880 году в Елшанке Самарской губернии. Окончил Московский университет, профессор истории, в 1920 году эмигрировал, работал в парижской газете "Последние новости", которую редактировал П.Н.Милюков.

Нина Борисовна в своей книге дает такой портрет дяди и его дочери: "Дядя Коля, высокий, худощавый, темноволосый, с синими, как у папы, глазами, со свободными элегантными движениями, был добрейший человек. Он был директором Харьковской гимназии и там же преподавал историю. Ирина была изнеженная девочка со светлыми косичками и большими голубыми, открыто смотрящими глазами".

Ирина Кнорринг со своим отцом. 1916 г.

Игорь Григорьевич Кнорринг

Могила Ирины Кнорринг на кладбище Сен-Женевьев де Буа в Париже

Борис Николаевич Кнорринг

О своей нелегкой судьбе, о скитаниях в годы гражданской войны, об отъезде в Африку в составе преподавателей Морского корпуса, об эмигрантской жизни в Париже Николай Николаевич рассказывает в своей повести "Книга о моей дочери". Поражает удивительно широкий круг его литературных интересов. Перелистывая в архиве пожелтевшие страницы парижской газеты "Последние новости", подсчитал, что в 1927 году было 12 его публикаций на самые различные литературные и исторические темы, в 1930-м – 37, в 1934-м – 24, в 1935-м – 16. Причем в эти же годы он работает над своими крупными сочинениями, читает лекции, выступает с докладами и заботливо следит за поэтическим становлением дочери, понимая масштабность ее таланта. После смерти Ирины и возвращения в СССР Николай Николаевич все свое внимание уделял стихотворному наследию дочери и ее дневникам. Сохранилось его письмо крупному литературоведу и знатоку эмигрантской поэзии и литературы Вячеславу Петровичу Нечаеву (от 8 апреля 1963 года), в котором Николай Николаевич пишет: "Сейчас занят перепиской дневников моей дочери. Это будет приблизительно 1500 страниц, если не больше". Эти дневники, "Книга о моей дочери", как и большая часть поэтического наследия Ирины Кнорринг, так и неизвестны в России.

Ирина Николаевна Кнорринг

И вот только сейчас, коротко рассказав о семье Ирины Кнорринг и о том пути, который привел меня к этой удивительно талантливой поэтессе, можно приступить к описанию ее жизни, этапам творческого развития и особенностям ее дарования.

Ирина начала очень рано задумываться о добре и зле жизни, об основных ее ценностях, не подлежащих девальвации никогда, ни при каких условиях, пыталась искать ответы на самые сложные вопросы, которые так жестоко и бескомпромиссно ставила перед ней действительность. А жизнь была тогда столь жестока, что будущее казалось девочке безнадежно пессимистичным.

Песни безрассудные,
ласковые, нежные,
Я ловлю в лобзании ночи
голубой.
Грезы отуманены,
страстные, мятежные,
Что ж меня покинули
вы ночной порой?

Где ты, юность смелая,
полная желания,
Полная безумного,
страстного огня,
Где вы, мои радости, вера,
упование,
Для чего вы, милые,
бросили меня?

Ночь прекрасна лунная,
тишина заветная,
Тихо небо шепчется
с грешною землей.
И слились в объятиях
с нашей жизнью бедною,
И святой, неведомый,
воцарил покой.
Что ж, душа разбитая,
ты трепещешь, милая,
Ночи убаюканной
отравляя след?
Жизнь тебе наскучила,
глупая, постыдная,
Прошлое погублено,
будущего нет.

1919 год, 13 лет

Именно 1919 год принес в семью Кнорринг скитания, голод, унижения и безнадежность.

Из Харькова пришлось срочно уехать, бросив имущество, в Ростов-на-Дону, потом через Туапсе, Керчь и Симферополь – в Севастополь. И затем в кубрике броненосца "Генерал Алексеев" семья покинула Россию. Ирина – навсегда.

Около пяти лет Ирина прожила на африканской земле в русском лагере Сфаят близ Бизерты (Тунис). В мае 1925 года семья переехала в Париж, и именно в Париже Ирина завершила свое литературное образование, обрела свой неповторимый поэтический голос.

Стараясь быть беспристрастным и объективным, скажу откровенно, что многое, очень многое мне нравится в творчестве и в духовном облике, в самой личности Ирины Николаевны. Она была чиста и глубоко порядочна, она была щедро одарена от природы, но это был особый, редчайший талант – талант любить. Она любила в жизни все, что считала прекрасным, достойным любви: природу, поэзию, музыку, интересных, неординарных людей, любила мать и отца, горячо, самозабвенно полюбила своего мужа (именно о такой любви мечтает каждый мужчина!), своего сына, свою Россию. Она любила жизнь, и как трудно было, совсем еще молодой, расставаться с нею...

Герб баронов Кнорринг

Николая Николаевича, отца Ирины, удивляла способность дочери писать практически без черновиков. "...она писала стихи сразу, набело, почти никогда не отделывая их. По поводу этого я говорил с Бальмонтом, и он мне сказал, что это "ни хорошо, ни плохо", а является "свойством дарования".

Ирина, несмотря на свою застенчивость, легко вошла в эмигрантскую литературную среду, успешно выступала на вечерах поэзии, в Союзе молодых поэтов, ее стихи охотно печатали в различных журналах. Обучение на курсах в Сорбонне, а позже во Франко-русском институте позволило Ирине не только глубже изучить современную русскую поэзию, но и узнать студенческую жизнь Латинского квартала.

И в это же время в ее жизнь вошла любовь и постучалась смерть (как часто они идут рядом!), – молодой литератор Юрий Борисович Бек-Софиев и неизлечимый сахарный диабет.

20 января 1928 года состоялась свадьба Ирины и Юрия, но уже тогда диабет прочно вошел в жизнь молодой семьи. Ежедневные уколы инсулина, строгая диета – без сладкого, мучного, постоянная угроза комы, мучительная жажда и понимание обреченности, безнадежности борьбы с недугом. Николай Николаевич пишет: "В это время она и написала стихотворение, которое считала самым лучшим из своих стихов, в которое сама была "влюблена", лучше которого, как ей казалось, она никогда не напишет":

Я пуглива, как тень на пороге
Осторожно открытых дверей.
Я прожгла напряженной
тревогой
Много ярких и солнечных дней.

Оплету себя вдумчивой грустью,
Буду долго и страшно больна,
Полюблю эту горечь
предчувствий
И тревожные ночи без сна.

И когда-нибудь,
странно сутулясь,
В час, когда умирают дома,
Я уйду по расщелинам улиц
В лиловатый, вечерний туман.

Где я буду в тот матовый вечер?
Кто мне скажет, что я умерла?
Кто затеплит высокие свечи
И завесит мои зеркала?

Так исполнится чье-то проклятье.
И не день – не месяц – не год –
Будет мир сочетанием пятен
И зияньем зловещих пустот.

Вскоре пришла новая радость и новые тревоги – Ирина ожидала ребенка, но больной диабетом рожать было смертельно опасно. И все-таки она решилась стать матерью. 19 апреля 1929 года произошло радостное событие – роды прошли вполне благополучно, и на свет появился Игорь Софиев. Материнство, любовь к сыну наполнили жизнь Ирины новым содержанием и новым смыслом.

Нужно отдать должное воле и таланту Ирины Николаевны, что, несмотря на неизлечимую болезнь, материальные трудности, тяжелую беременность и тяготы материнства, она не прекратила своей литературной деятельности, стала еще с большей ответственностью относиться к своему поэтическому творчеству. В апреле 1931 года вышла ее первая книга "Стихи о себе", получившая хорошие отзывы современников.

А болезнь продолжала подтачивать организм, появилась экзема на ногах, сонливость, апатия.

Уж все равно никак не
спрячешь
Предательских морщин у глаз.
И все дороже Богу платишь
За каждый день, за каждый час.

И как еще не надоело
– Дивишься иногда себе –
Влачить свое больное тело
Навстречу медленной судьбе!

Кажется, все тяжелое, что может выпасть на долю человека, уже испытала молодая, талантливая и ранимая женщина, но нет – ей еще предстояло вынести безумие войны. Ее отец пишет: "Переживши "свою" войну, революцию, затем эпоху беженства и эмиграции, мы, русские, с ужасом увидели, что перед нами, как на экране, начинают показываться давно нам знакомые картины..." Ирина добавляет свои наблюдения: "Грузовик с прицепкой, в прицепке узлы, и из узлов торчит голова старухи в платочке... Мотоциклетка. Впереди – муж, сзади – жена. Между ними – сверху них одеяло и узел... На коленях у них – девочка лет 3 — 4. Она обнимает их и узлы. Узлы – тюфяки – дети – велосипеды... Сегодня появились и велосипедисты, тоже с одеялами и узлами. Ужас! И пусть Игорь все это видит, пусть знает, что война не романтика... и только в этом случае им, может быть, удастся поставить войну вне закона".

Здоровье Ирины постоянно ухудшалось, она уже понимала, что жить ей осталось совсем немного. Ее последняя книга "Окна на север", вышедшая в конце 1939 года, уже во время войны, – страшный реквием уходящей жизни, ее предсмертное завещание. Это не модные в начале века декадентские стоны о бренности земного, а вполне осознанное прощание со всем, что было дорого в жизни. Эти стихи своею искренностью сродни торопливым предсмертным строкам самоубийц, прощальному письму полярника Роберта Скотта, заменившего на конверте слова "Моей жене" на "Моей вдове", размышлениям обреченных раковых больных в предрассветной тишине больничной палаты... О том же думал мой отец, полный жизненных сил и бессильного отчаяния, в тюремной камере перед расстрелом. Более того, неоднократно видев смерть своих соседей по госпиталю, Ирина Николаевна документально точно описала собственную кончину:

День догорит
в неубранном саду.
В палате электричество потушат.
Сиделка подойдет: "Уже в бреду".
Посмотрит пульс –
все медленней и глуше.

Сама без сна,
мешая спать другим,
Не буду тосковать, не биться...
Прозрачный синий полумрак.
Шаги...
А жизни-то осталось –
в белом шприце.

Еще укол. В бреду иль наяву?
Зрачки расширятся, окостенеют...
Должно быть, – никого не позову.
Должно быть, –
ни о чем не пожалею...

Так ночь пройдет.
Блеснет заря вдали.
Туман дома окутает, как саван.
И в это утро я уйду с земли.
Безропотно. Бестрепетно.
Бесславно.

Замечательная, неповторимая поэтесса Ирина Николаевна Кнорринг умерла около семи утра в парижском госпитале Сент-Антуан 24 января 1943 года в возрасте 37 лет и была похоронена на кладбище Иври.

"Поэзия ее очень личная – едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе".

Глеб Струве

"В этих стихах раскрывается страшная судьба не одной И.Кнорринг, но многих тысяч русских женщин, брошенных в чужой мир..."

Н.В.Станюкович

"По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей скучно и душно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие, честные стихи".

Анна Ахматова

В июле 1995 года в Париже было невыносимо жарко. Мы с женой стояли у могилы Ирины на Русском православном кладбище Сен-Женевьев де Буа, куда был перенесен ее прах, и думали о ее горькой судьбе. Как безжалостно уничтожил и разметал целое поколение нашей семьи ураган большевизма... Каким долгим, сложным путем я шел к этой могиле, как было трудно мне, последнему из рода Кнорринг в России, узнать о судьбе каждого и найти родные могилы – в Ташкенте, Караганде, Алма-Ате, Копенгагене и Париже. Знаю, уверен, что скоро состоится возвращение поэтессы Ирины Кнорринг на родину, которую она так верно любила и в которую так свято верила.